

Революция в стране, революция в газете

Еще четырёх месяцев осталось до 1 декабря, когда сотрудники и редакторы «Северного края» отметят 110 лет со дня выхода первого номера газеты. Рубрику, посвящённую этому юбилею, мы открыли 1 июня. В последующих выпусках (номера за 25 июня, 9 и 23 июля) журналисты газеты рассказывали о первых годах издания «Северного края» и его сотрудниках. Сегодня мы публикуем статью молодого ярославского исследователя Романа Невиницына, посвящённую всего одному году в истории «Северного края». 1905 год – год начала пертурбационной революции – был особым в истории газеты.

Чтобы проиллюстрировать атмосферу в обществе накануне революции 1905 – 1907 годов и понять платформу «Северного края», стоит обратиться к одному письму из фондов ярославского жандармского управления, автор которого с иронией пишет о выступлении Д. И. Шаховского перед широкой общественностью. В декабре 1904 года на заседании земского собрания обратился к аудитории со словами: «...Пока не будет издана вся государственная печать, до тех пор Россия не выйдет из бед», – добавив, что изменить положение может только дарованная царём Конституция. Автор письма заключает: «Согласитесь, что выступление Шаховского выше всяких похвал. Особое значение оно имеет теперь...».

В журналистском коллективе «Северного края» ещё в 1904 году образовался серьёзный левый фланг сотрудников, который в условиях радикализации общественных настроений начинает играть значительную роль в определении характера либерального органа. Но в течение вынужденного периода привели к срыву подпольной кампании и публикации в газете, газета не приносила пользы. Эта ситуация не могла удовлетворять акционеров «Северного края». Чтобы избежать запретов в будущем, потребовали передачи власти от редакционного собрания, которое все предшествовавшие годы осуществляло руководство, редактору И. Михееву, настаивавшему на своём главенствующем положении и участвовавшему наравне с коллективом в управлении. Кроме того, пайщики из условий поставили контроль над редакционным управлением.

Подобная инициатива владельцев газеты не вызвала согласия и понимания журналистов. В редакции газеты и её редактору А. П. Баранову лично его ряд членов редакционного собрания желал видеть редактором) стали поступать письма. В них проводилась мысль о необходимости сохранения прежнего порядка в газете. Подчеркивалось, что пайщики представляют только экономическую сторону дела, а «не душу, разум и честь». Как писал А. Антонов: «У нас исключительная карьера тогда как сотрудники олигархия направлением органа ущемляют уже сложившуюся ситуацию его».

26 декабря 1904 года состоялось заседание редакционного собрания, на котором обсуждалась сложившаяся ситуация. В нём участвовали были солины: «При возобновлении редакционного собрания решительно игнорировалось, желание главных сотрудников состоялось без выслушивания их мнения и вся постановка дела коренным образом изменена». Собрание осознанно подчеркнуло, что в руководстве изданием в последнее время произошли перемены, гарантирующие самостоятельности редакции» от пайщиков, которые от чисто материальной сферы участия в издании перешли к корректной политической программе «Северного края», по их мнению, слишком революционной. В результате часть сотрудников отказалась от продолжения постоянного сотрудничества. Среди них Г. Алексинский, Антонов, И. Ершов, А. Локс, С. Мусин-Пушкин, М. Невиница, В. Смирнов, Шаховской, Н. Романов,

Б. Клириков, А. Баранов, М. Быковский, А. Тыркова.

Таким образом, накануне революции 1905 – 1907 годов «Северный край» был вынужден из-за перемен в руководстве и в коллективе сотрудников изменить тон – с достаточно резкого и оппозиционного на сдержанный, как того хотели акционеры, недовольные финансовыми потерями из-за приостановки издания. Однако, как справедливо отметила Т. И. Волкова, «в условиях начавшейся революции план хозяев газеты – создать весьма умеренный состав редакции – рас-

Борис КУСТОДИЕВ. «Большевик».

строился с первых шагов». Ввиду происшедших с января 1905 года событий читатель не мог удовлетворить осторожный тон публикаций, а променять свой авторитет на безопасность для газеты было неприемлемо. Таким образом, характер материалов становится все радикальнее, а сама газета – одним из ярких представителей революционной печати первого года революции.

Следует добавить, что в газете в октябре 1905 года произойдёт новый конфликт, в результате которого из состава редакции выйдут журналисты социал-демократы. Всего за 11 месяцев (с декабря 1904 года по октябрь 1905-го) «Северный край» пережил два раскола сработавшего коллектива. Причиной этого стала первая российская революция, обострившая политические разногласия в среде интеллигенции, и между журналистами в том числе.

В период всероссийской октябрьской политической стачки цензура на страницах газет либерального направления проявляет себя наиболее явно. В «Северном крае» в ряде номеров подряд особенно видна её активность: изъят ряд материалов с полос. Не допущены до читателей «по не зависящим от редакции обстоятельствам» сообщения, касающиеся «учебных заведений, железнодорожной жизни, собрания фармацевтов, казаков». Несмотря на это, газета сохраняла боевой дух, который во второй половине 1905 года только усиливался.

«Северный край» с 13 октября 1905 года присоединился к всероссийской политической стачке «вследствие отсутствия свободы печати», стремясь таким образом поддержать и укрепить революционное движение. Следующий номер органа ярославских либералов вышел лишь 24 октября.

Первым материалом номера, по-другому и быть не могло, был Манифест 17 октября. Газета приводит его полностью, а

потом останавливается на причинах его появления и ожидаемых последствиях. «Северный край» в очередной раз в следующей за документом статье отмечает, что самодержавие поразительно долго затягивало реформы, стремясь удешевить общественное движение. С другой стороны, власть была уже не в состоянии управлять страной по-старому: «Стало ясным как день, что освободительное движение достаточно сильно, чтобы остановить правильное течение общественной и государственной жизни и доказать таким образом полную неспособность бюрократического самодержавия справиться с запросами, которые предъявляются современному государству». Газета подчёркивает, что царь был вынужден подписать Манифест. А вслед за ним 21 октября и закон о политической амнистии.

В доказательство необходимости реформ газетой цитируется всеподданнейший доклад графа С. Ю. Витте, лёгший в ос-

нову Манифеста. Председатель комитета министров заявляет, и «Северный край» совершенно с ним согласен, что причины охвативших страну беспорядков лежат не в действиях революционно настроенной части общества. Они гораздо глубже и кроются в «нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами жизни. Россия переросла формы существующего строя».

Хотя в документе и не была прописана реализация обещанных политических свобод, но конституционные демократы, а именно с ними в политическом отношении сближается к осени 1905 года «Северный край», расценили Манифест 17 октября как конституционный акт, превративший Россию в конституционную монархию, а Николая II – в конституционного монарха. Либералы отнеслись к обещаниям правительства с надеждой, но не бросились в объятия правительства. «Северный край» декларировал: «Не какой-нибудь суррогат народного представительства нужен России, а настоящим образом, нарочно для этой цели избранные представители народа должны образовывать Учредительное собрание, установить в государственной жизни твёрдые демократические начала и, в свою очередь, созвать для постоянной работы законодательное собрание. В нём не должно быть места ни помощникам недавних притеснителей наших, ни поседившим в административном лицемерии бюрократам, ни представителям придворной камарильи...».

Но надежды на демократическое будущее России были растоптаны черносотенными погромами. Курск, Харьков, Херсон, Ростов-на-Дону, Одесса, Ярославль, Киев, Минск, Архангельск, Вологда, Мариуполь, Николаев, Смоленск, Кострома и множество других городов, городков, местечек стали ареной кровавых избиений молодё-

жи, интеллигенции, рабочих, евреев. Местная администрация почти повсеместно одобряла и направляла действия гомин или относилась к ним с полным безучастием, что воспринималось погромщиками как поощрение.

Печатные полосы полны гнева и возмущения в отношении черносотенцев и администрации. Газета высказывалась жёстче и резче, чем некоторые социал-демократические издания. Со страниц местная общественность обвинила власти в бездействии и прямом участии в беспорядках. «Северный край» стремился консолидировать вокруг себя всех, возмущённых погромами, придать эмоциям характер юридически стройного обвинения власти, которая «не только попустила кровавым разрушительным насилием и уличным смутам со стороны чёрной сотни, но оные поощряла, даже не всегда скрытым образом». В октябрьских номерах «Северного края» можно найти инфор-

мацию о направленных от ярославских организаций и учреждений телеграммах к С. Ю. Витте с требованием сместить А. П. Роговича с поста губернатора за его действия, явно не соответствующие возложенным на него функциям по охране порядка. Газета обращалась к очевидцам с просьбой дать показания на виновников случившегося, помочь следствию.

В отличие от Ярославля и других губернских городов, ярославская деревня осталась глуха к свободам, провозглашённым Манифестом, и событиям, последовавшим за ним. «Северный край» в те дни писал: «Крестьяне говорят, что объявлена общая свобода, что теперь делай что угодно, и за это никакого взыскания не будет. Царя, дескать, силой заставили подписать такой Манифест и теперь его лишили власти и хотят даже лишить царства. Бабы в деревнях от таких вестей режут, а мужики хмурятся. Мужик, носивший тысячеклетное ярмо произвола и гнёта власти, сжился с ярмом и не может представить себе, что ярмо он лишается».

Редакция газеты обратилась к полос издания к цензурному её вице-губернатору Кисловскому с заявлением, что теперь «Северный край» будет выходить без предварительной цензуры, а гранки на проверку будут предоставляться одновременно с выходом номера. В. М. Михеев заявил, что будет нести личную ответственность по уголовному законодательству как человек, отвечающий теперь за содержание газетных полос. Обращение заканчивалось словами, что вышеперечисленное делается как для того, «чтобы не задерживать выпуска номера, так и для вашего облегчения ввиду того, что вы лишены теперь руководства циркуляров на основании статьи 140 устава о цензуре». Смелое заявление было осуществлено в значительной степени из-за незнания местных властей, как строить отношения с

печатью в условиях провозглашённых свобод.

Исследователи отмечали, что «во время всероссийской октябрьской стачки газета на короткий срок фактически стала легальным органом местной организации РСДРП». На наш взгляд, говорить о максимальном практическом и идейном влиянии большевиков в издании можно применительно к номерам от 24 и 25 октября, после которых социал-демократы покинули газету.

Выход бесцензурного издания, тем более с социал-демократическим лицом, мог привести к закрытию газеты уже летом 1904 года, чего, конечно, не желали владельцы. К тому же они полагали, что отдельные резкие статьи левых журналистов «Северного края» стали в числе прочих причинами кровавых столкновений в Ярославле. Как следствие, пайщики аннулировали права редакционного комитета, в результате чего его члены социал-демократы вышли из редакции, написав гневное письмо в адрес редактора Михеева, либеральных сотрудников и пайщиков. На наш взгляд, усиление позиций социал-демократов в газете летом-осенью 1905 года было вызвано помимо их литературных талантов стремлением редактора В. М. Михеева использовать революционно настроенных журналистов для пропаганды политических реформ в обществе и давления на власть. Менжинский, Федорченко, Коньков, Романов стремились превратить «Северный край» в партийный орган, не желая при этом нести расходы по изданию газеты (за что отвечали пайщики) и уголовной ответственности по суду (за содержание номера отвечал редактор). Этими причинами и был вызван кризис в коллективе. Его результатом стали раскол редакции «Северного края», выход сотрудников, членов РСДРП, из редакции.

Правда, если оценивать поведение социал-демократов с моральной точки зрения, то их поступок выглядит очень неприглядно. У получившего письмо В. М. Михеева случился сердечный приступ. Он пригласил авторов послания в газету, дав возможность работать и проводить свои политические взгляды, получив в итоге от них такую пощечину.

Под письмом социал-демократов стояли подписи секретаря газеты В. Менжинского, заведующего областным отделом Л. Федорченко, заведующего городской хроникой В. Конькова, сотрудников: Е. Фалька, О. Антушевича (заведующего типографией газеты), Н. Зезюлинского, А. Батуева, П. Пономарёва, В. Кириллова и др.

Они пишут: «Во время погромов мы не бросали редакцию на произвол судьбы, не прятались по чужим квартирам, не ухаживали за вожжами гомин, не отстаивали их участие в охране города. Среди наших товарищей есть раненые, в то время как они защищались с оружием в руках, мы организовали защиту редакции и, вооружённые, ждали хулиганов».

В конце открытого послания бывшие сотрудники «Северного края» объясняют причины своего ухода: «Там, где литераторы проводят ещё не созданный правительством закон против социалистов, нам не место. Мы уходим, господа хозяева, но помните, что если лёгок пух, пушенный полицейскими громами из перин еврейской бедноты, то тяжела ответственность тех, кто затыкает рот людям, которые хотят крикнуть: «Защитайтесь с оружием в руках!» Вот почему мы уходим».

Далее следует хрестоматийно известная фраза. Это «слова на прощание» левых журналистов руководству: «Обращайтесь же «Северный край» в либеральную подворотню, из которой можно тянуть на прищипывание довольно хабро, на губернера – с опаской, на министра – с оглядкой, чтобы вовремя спрятаться при появлении самодержавных казаков, а

уж на царское самодержавие поднять голос нельзя».

Судя по тону письма, вышедшие из газеты сотрудники негативно отозвались как к самому изданию и его руководству, так и к идее сотрудничества с ним в дальнейшем. Но если судить по заявлению Л. С. Федорченко, не всё было столь однозначно. Он объяснял уход своей и ряда товарищей как «следствие принципиального раскола» в печатном органе, но вместе с тем обращался к своим корреспондентам не отказываясь от дальнейшего сотрудничества с газетой.

В этом же номере было помещено и ответное письмо редактора «Северного края», в котором В. М. Михеев отвечал на обвинения В. Р. Менжинского и К^о. Послание В. М. Михеева выглядит убедительнее. Он благодарит боевую дружину, охранявшую редакцию, но отмечает, что больше пользы вооружённые люди могли бы принести в наборной, способствуя выходу газеты, или на улице защищая горожан от погромщиков. Эта дружина могла, по мнению редактора, «судя по её числу (около 50 человек) и вооружению даже пулеметом, быть очень полезной на улицах Ярославля». «Но охрана предпочла сидеть в помещении редакции, защищая рукописи, книги, здание госпожи Синклер, за что, конечно, нельзя также не быть благодарным», – пишет он. Таким образом, социал-демократам ставится в упрёк то, что они, имея возможность, даже не пытались помочь жителям Ярославля, при этом обвиняя либералов чуть ли не в потворстве погромщикам.

Интересна характеристика Михеевым полученного им от бывших коллег обращения. «Несомненно, к тону этого письма применимо психологическое определение древних: «Юпитер, ты сердился, следовательно, ты не прав». Послание редактора «Северного края» заканчивается словами сожаления, что сотрудничество с уважаемыми и талантливыми журналистами Л. С. Федорченко, В. Р. Менжинским закончилось, но вместе с тем Михеев надеется, что они смогут «отныне действовать в чисто социал-демократическом органе, каким не мог, по условиям своего издания, сделаться «Северный край». «Работая же в определённой партийной социал-демократической газете, уважаемые Л. С. Федорченко и В. Р. Менжинский будут бережены от всяких малейших сделок с их убеждениями».

Письмо в редакцию широко известно среди исследователей дореволюционной печати и неоднократно цитировалось с целью показать умеренность осторожности либералов на фоне революционности социал-демократов. Этот протест обошёл в 1905 году ряд изданий. В том числе письмо перепечатала и большевистская «Новая жизнь» в номере от 10 ноября 1905 года.

Так закончилось сотрудничество группы социал-демократов в либеральной газете. Можно с уверенностью сказать, что оно не прошло даром ни для тех, ни для других. Журналисты смогли лучше узнать взгляды друг друга, отточили свой литературный талант на страницах крупной влиятельной газеты. Важно, что совместные усилия всех сотрудников, вне зависимости от их политической принадлежности и цели, которые были заложены её основателем Эдуардом Германовичем Фальком.

Роман НЕВИНИЦЫН.